

УДК 82

**ТВОРЧЕСКИЙ И ЛЖЕТВОРЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ
ФЕНОМЕНОВ «МЕЧТА» И «МЕЧТАНИЕ»
В ПОВЕСТИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕЛЫЕ НОЧИ»**

© Соловьева Анастасия Дмитриевна (2023), ORCID: 0000-0002-2244-1478, бакалавр, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23), anastasia.solovyova.7@mail.ru

В статье анализируются феномены мечты и процесса мечтания, которые изображены в повести Ф.М. Достоевского «Белые ночи». В частности, изучается связь между этими феноменами и феноменом творчества. Утверждается, что отношения между обозначенными реалиями носят в вышеназванной повести противоречивый характер, который обусловлен, по мысли автора статьи, особенностями эстетико-философских концепций молодого Достоевского. Согласно мнению ученых, для начинающего писателя принципиально важной в период 30-40-х гг. оказалась не только проблема истинного творчества и настоящего художника, но и проблема «лжетворчества» и «лжетворца»; размышления над этими проблемами органично продолжились на страницах художественных произведений Ф.М. Достоевского, в том числе в повести «Белые ночи». В статье проводится мысль о том, что в данной повести явления «мечта» и «мечтание», с одной стороны, коррелируют с феноменом творчества, ввиду того что процесс конструирования вымышленных миров напрямую задействует поэтические способности главного героя, а сотворенные им грезы по многим признакам схожи с объектами искусства, а с другой стороны, обнаруживают свойства его противоположности, псевдотворчества, поскольку представляется возможным усмотреть в мечтании удобную замену подлинного созидания (акта, требующего со стороны человека жертвенности и тяжелого труда), а в мечтах – своеобразные фальшивые предметы искусства; помимо этого, существенным оказывается и тот факт, что оба эти явления могут считаться результатом гибели реального художественного таланта, которым, по всей видимости, был наделен Мечтатель.

Ключевые слова: Достоевский, «Белые ночи», мечта, мечтание, творчество, «лжетворчество».

Тема мечтания и герой-мечтатель представляют собой для Ф.М. Достоевского объекты особого интереса, сохранявшегося на протяжении всего его творчества [Белов 2010]. В плеяде ранних произведений писателя, в каждом из которых данная тема и тип персонажа получают свое раскрытие, входит и повесть «Белые ночи» (1848).

Серьезным вкладом в изучение этой повести стали труды К.В. Мочульского [Мочульский 1947], Р.Г. Назирова [Назирова 1982], Г.К. Щенникова [Щенников 1983], Ю.В. Манна [Манн 1986], А.А. Фаустова [Фаустов 1998] и др. Вместе с тем в большинстве научных работ, посвященных «Белым ночам», феномены «мечта» и «мечтание», представленные в данном тексте, либо не являются самостоятельным объектом исследования и не рассматриваются развёрнуто, в ряде случаев оказываясь частью анализа образа героя-мечтателя или повести в целом, либо характеризуются односторонне.

Изучая данную повесть, К.В. Мочульский подчеркивает наличие неоспоримой и однозначной связи между мечтами героя, их созданием и творчеством [Мочульский 1947, 79]. Однако, на наш взгляд, грезы и процесс мечтания в «Белых ночах» обнаруживают противоречивость в отношении к творчеству, что во многом может быть объяснено эстетико-философскими воззрениями Достоевского в 1830–1840-х годах.

Молодому Достоевскому, с юности размышлявшему над вопросами о сущности творчества, был присущ романтический взгляд на художника как на личность гениальную и потому противопоставленную остальному, заурядному миру [Зелянская 2006, 14]. Однако, как утверждает Н.Л. Зелянская, начинающего сочинителя с самого начала творческой карьеры волновала не только проблема пути истинного художника, чья противопоставленность обществу указывала на его одаренность, но и ее не предполагаемая романтиками сторона – проблема «пути лжетворца», тоже находящегося в оппозиции к миру, но лишённого подлинной поэтической избранности; по-видимому, само «лжетворчество» понималось Достоевским как «добровольная потеря собственной творческой индивидуальности, как своеобразное литературное самозванство» [Зелянская 2006, 19].

Романтическая противопоставленность по отношению к миру нашла свое отражение в образах героев произведений Достоевского 1840-х годов.

Так, мы видим, что Мечтатель из повести «Белые ночи» как в некотором смысле поэт оказывается романтически противопоставлен антипоэтическому миру, а явление мечты во многом оказывается созвучно такому явлению духовной жизни, как творчество.

Мечта представляет собой результат качественного трансформирования элементов реальности [Охоцимский 2016], и в этом она подобна произведению искусства. Мечтая, центральный персонаж повести «Белые ночи» задействует реальную и художественную действительность в качестве материала, – замечает Ю.В. Манн [Манн 1986]. В сущности, герой пользуется тем же методом, что и живописец, скульптор, писатель и т. п. Непосредственные впечатления Мечтателя творчески обрабатываются его воображением, превращаясь в образы, а затем соединяются в единое целое сюжетом: «Фантазия подхватила на своем игривом полете и старушку, и любопытных прохожих, и смеющуюся девочку, и мужичков <...>, заткала шаловливо всех и всё в свою канву, как мух в паутину» [Достоевский 1972, 115], то есть процесс фантазирования схож с творческим актом. Характерно, что Мечтатель, описывая «архитектуру» своих грез, прибегает к таким понятиям, как «мир», «жизнь», «одушевленная картина», «роман» (с помощью двух последних также проводится явная аналогия между мечтой и художественным произведением).

Интересно, что для Мечтателя, равно как и для художника, значимой оказывается не только содержательная (сюжетно-идейная), но и эстетическая (внешняя) составляющая его «творений», то есть та форма, в рамках которой это содержание воплощается. В связи с этим герой тщательно продумывает свои мечтания, насыщая их разнообразными деталями, например: «Неужели не ее встретил он потом <...> в блеске бала, при громе музыки, в палатце (непрерменно в палатце) <...> на этом балконе, увитом миртом и розами...» [Достоевский 1972, 117].

Нельзя не обратить внимание и на рассказ главного героя о его самочувствии во время пребывания в вымышленном мире: «Отчего же в такие минуты стесняется дух? <...> ускорятся пульс, брызжут слезы из глаз мечтателя, горят его <...> щеки и такой неотразимой отрадой наполняется всё существование его? Отчего <...> наш мечтатель, <...> засыпает в замираниях от восторга своего болезненно-потрясенного духа <...>?» [Достоевский 1972, 116]. Зафиксированные в этом фрагменте ощущения Мечтателя в сумме образуют осо-

бое состояние, отличающееся экзальтированностью, иступленностью, блаженством и даже переживанием влияния чего-то сверхъестественного, то есть мечтающий человек пребывает как бы за пределами «обычной» действительности, во взаимодействии со сферой идеального. Это, как пишет К.В. Мочульский, позволяет усмотреть во внешнем пласте излияний главного героя пласт авторский, связанный с близким к романтическому представлением самого Достоевского о вдохновении [Мочульский 1947, 79], то есть как творчество, так и мечта и процесс ее создания имеют в числе своих признаков душевный подъем.

Однако высшим проявлением художественной ценности образа жизни Мечтателя (на нее обратил внимание К.В. Мочульский [Мочульский 1947, 79]), по-видимому, можно считать тот факт, что герой, по его собственному выражению, «сам художник своей жизни и творит ее себе каждый час по новому произволу» [Достоевский 1972, 116]. Для раскрытия этой мысли обратимся к другому фрагменту из рассказа Мечтателя: «Посмотрите на эти волшебные призраки, которые так очаровательно, <...> слагаются перед ним в такой волшебной, одушевленной картине, где на первом плане <...> он сам, наш мечтатель <...> Вы спросите, может быть, о чем он мечтает? <...> да обо всем... об роли поэта, сначала не признанного, а потом увенчанного <...> Диана Вернон, геройская роль при взятии Казани Иваном Васильевичем...» [Достоевский 1972, 116]. Перечисление разнообразных далеких от быта и «прозы» вариантов фантазии предваряется замечанием о центральной роли главного героя, которому он играет в каждой сотворенной им грезе. Данная деталь позволяет сделать предположение о том, что мечта выступает в качестве инструмента, которым Мечтатель пытается поэтически «сотворить», преобразить самого себя через творческое отождествление своего «я» с историческими и художественными образами [Манн 1986]. Поэтому представляется возможным утверждать, что Мечтатель на собственном примере реализует романтический принцип жизнетворчества, потому что мечты используются им как материал для формирования своего внутреннего мира и одновременно мышление и стиль речи героя начинают принимать художественные формы (характерно, в частности, замечание героини: «Вы говорите, точно книгу читаете» [Достоевский 1972, 113]), а поведение героя — соответствовать высокому содержанию его прекрасных грез.

Таким образом, мы можем определить процесс мечтания в повести «Белые ночи» как процесс творческий, мечту – как подобие художественного произведения, а также инструмент преобразования «я» Мечтателя.

Вместе с тем мечта в данном тексте не только уподобляется творчеству, но и по ряду параметров противопоставляется ему, а в образе Мечтателя просматриваются черты мнимого художника.

Вновь обратимся к рассмотренному выше принципу жизнетворчества. Мечтатель действительно стремится раздвинуть границы собственной личности, в частности, за счет обращения к образам и сюжетам искусства, их креативного осмысления и интеграции в свою душевную жизнь при помощи мечтотворения. Однако фантазийное самоотождествление героя с образами из прочувствованного и осмысленного им художественного мира отмечено и псевдотворческим характером, ведь поэтическое преобразование личности персонажа оборачивается очевидной подменой: Мечтатель начинает редуцировать свое реальное уникальное бытие, замещая его фантомами и жизнью героев художественных произведений [Николаева 2009, 39]. Иными словами, он превращает житнетворчество в «житнеподражание», что приводит не столько к культивированию в существе Мечтателя уникальности, сколько к ее нивелированию.

Следуя положению философского эссе А. Охоцимского, определим ключевое отличие творчества от мечты: это обязательное наличие у первого стремления к воплощению, облечению идеально-го в материальные формы [Охоцимский 2016]. Существенно, что главный герой «Белых ночей», формируя свои мечты как объекты, во многом напоминаящие литературные тексты, даже не предполагает возможности воплотить их в реальные художественные произведения, и с нашей точки зрения такое решение персонажа может иметь следующие причины.

Творческий процесс по своей природе предполагает серьезный труд. В повести же главный герой отнюдь не обременяет себя тяжелой работой в свои «фантастические ночи», всячески подчеркивая праздный и «легкий» характер своего времяпрепровождения: «Уединение и лень нежат воображение» [Достоевский 1972, 115], «И ведь так легко <...> создается этот сказочный, фантастический мир!» [Достоевский 1972, 116] и др. Мы считаем, что Мечтатель, желая применить свои поэтические способности, но при этом обойтись без свойственных истинному созиданию тягот и трудностей,

заменяет подлинное, «неудобное» творчество его комфортным аналогом – процессом мечтания.

Однако отсутствие у Мечтателя цели реализовать свои грезы в объекты искусства может иметь и другое объяснение: творчество в основе своей диалогично и жертвенно, поскольку предполагает выход творца за пределы своего «я», тогда как сущность процесса мечтания и самих мечтаний эгоцентрична и направлена на получение наслаждения от создания вымышленного мира, который позволяет мечтателю реализовать любые свои чаяния («Новое желание соблазнительно щечочет и раздражает его фантазию и незаметно сзывает целый рой новых призраков» [Достоевский 1972, 115]). Иными словами, незаинтересованность героя в перенесении своих грез в плоскость творчества объяснима и тем, что мечты всегда находятся во власти самого мечтателя, тогда как объекты искусства неизбежно приобретают автономность от своего создателя.

Как бы то ни было, Мечтатель из повести Достоевского «Белые ночи» не пытается реализовать заложенное в мечте созидательное начало, и она остается не более чем невоплощенным произведением искусства.

Изучая лжетворческую сторону явления «мечта» в повести «Белые ночи», также примем во внимание то сравнение, которое использует Мечтатель, косвенно описывая свои ощущения в тот момент, когда он грезил, но был потревожен неожиданным приходом гостя: «Зачем этот смешной человек встречает его, так сконфузившись <...> как будто он фабриковал фальшивые бумажки или какие-нибудь стишки для отсылки в журнал при анонимном письме, в котором обозначается, что настоящий поэт уже умер и что друг его считает священным долгом опубликовать его вирши?» [Достоевский 1972, 112]. Образ преступника из этой фразы привносит в повесть мотив шарлатанства, причем особенное внимание уделяется именно шарлатанству в сфере творчества. Фигуру псевдопоэта, с которым Мечтатель сравнивает себя, можно рассмотреть в качестве одной из граней его личности, тогда как другая ее грань раскрывается в образе почившего «настоящего поэта». Не исключено, что герой поместил в эти строки и рассказ о собственной судьбе несостоявшегося творца: будучи художественно одаренным человеком, он губит собственный талант, обращая истинное созидание в его подделку – бесплодное «мечтательство» – а себя – в шарлатана, лжетворца. Следовательно, мечтание, обрисованное в повести, может быть определе-

но и как профанация творчества, а мечта – как поддельное произведение искусства.

Родственной по отношению к идее шарлатанства в «Белых ночах» выступает идея однообразия как проявления художественного бессилия. На страницах данной повести повторяемость, что примечательно, является одной из характеристик фантазии, а следовательно, и ее порождений – мечтаний. Именно так осмысливает это главный герой, сравнивая реальную жизнь других людей со своей воображаемой: «Их жизнь вечно обновляющаяся, вечно юная и ни один час ее не похож на другой, тогда как уныла и до пошлости однообразна пугливая фантазия...» [Достоевский 1972, 118]. Эта фраза вступает в противоречие с предыдущими словами Мечтателя: «Он сам художник своей жизни и творит ее себе каждый час по новому произволу» [Достоевский 1972, 116] – и становится еще одним подтверждением тому, что вместе с поэтическим началом в мечтании присутствует начало, противоположное истинному творчеству, со свойственными ему уникальностью и новизной.

Таким образом, мечтание в тексте «Белых ночей» демонстрирует свойства удобной замены подлинного созидания, а мечты напоминают фиктивные объекты искусства.

Итак, проанализировав соотношение мечты и творчества в повести Ф. М. Достоевского «Белые ночи», мы можем сделать вывод о том, что мечтания, с одной стороны, имеют ряд общих черт с творчеством: процесс их создания задействует поэтические способности героя, сами же грезы уподобляются объектам искусства, а с другой – являются «лжетворчеством», поскольку мечтание представляет собой удобную замену подлинного созидания, мечты – псевдотворения; также оба эти феномена могут считаться результатом гибели художественного таланта, которым, по всей видимости, был наделен Мечтатель. Помимо этого, необходимо отметить, что лжетворческий аспект мечты, развиваясь в недрах ее романтического, то есть нового (для общественного сознания XIX века) значения, в то же время обнаруживает пересечение с традиционным религиозным значением этой реалии, которое тоже подчеркивает идею лжи и обмана, присущих мечте.

Источники

Достоевский 1972 – Достоевский Ф.М. *«Белые ночи»* // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 2. Повести и рассказы 1848–1859. Л., 1972. С. 102–141.

Манн 1986 – Манн Ю.В. *Боль о человеке* // Достоевский Ф.М. Белые ночи. М., 1986. С. 3–16.

Литература

Зелянская 2006 – Зелянская Н.Л. *Мифоонтология писательства. Федор Достоевский: творческий путь до эшафота: монография*. Оренбург, 2006.

Мочульский 1947 – Мочульский К. *Достоевский. Жизнь и творчество*. Париж, 1947.

Назиров 1982 – Назиров Р.Г. *Творческие принципы Ф. М. Достоевского*. Саратов, 1982. [Электронный ресурс]. URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-ch4.php> (дата обращения: 28. 05. 2023).

Николаева 2009 – Николаева Е.Г. *Тип петербургского мечтателя в повести Ф.М. Достоевского «Белые ночи»* // Вестник Удмуртского университета. Вып. 1. Ижевск. 2008. С. 39–46.

Охоцимский 2016 – Охоцимский А. *Философия мечты* [Электронный ресурс]. URL: <https://lib.rmvoz.ru/bigzal/philosophy-of-dream> (дата обращения: 02. 05. 2023).

Фаустов 1998 – Фаустов А.А., Савинков С.В. *Очерки по характерологии русской литературы: середина XIX века*. Воронеж, 1998.

Щенников 1983 – Щенников Г. К. *Эволюция сентиментального и романтического характеров в творчестве раннего Достоевского* // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 5. Л., 1983. С. 90–100.

CREATIVE AND PREUDOCREATIVE ASPECTS OF THE PHENOMENA “DAYDREAM” AND “DAYDREAMING” IN F. M. DOSTOYEVSKIY’S NOVELLA “WHITE NIGHTS”

© **Solovyova Anastasia Dmitrievna** (2023), ORCID: 0000-0002-2244-1478, bachelor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (23 Prospekt Gagarina (Gagarin Avenue), Nizhnij Novgorod, 603950, Russian Federation), anastasia.solovyova.7@mail.ru

The paper analyses the phenomena of the daydream and the daydreaming in F. M. Dostoyevskiy's novella “White Nights”. The author investigates the connection between these phenomena and the phenomenon of creation. It is argued that in this novella the relation between the designated phenomena is controversial. According to the paper's author, the last fact is determined by the specifics of young Dostoyevskiy's aesthetic and philosophical conception. According to scientists, in the 1830–1840s the beginning writer laid great emphasis not only on the issue of the true creation

and the true artist, but also on the issue of the “pseudocreation” and the “pseudoartist”. The reflections about these issues continued naturally in F.M. Dostoyevskiy's art works including “White Nights”. The paper advances an idea that on the one hand in this novella the phenomena “daydream” and “daydreaming” correlate with creation as the process of creating fictional worlds involves main character's poetic abilities directly, and his daydreams become similar to works of art in many ways. On the other hand, the daydream and the daydreaming in “White Nights” unfold the features of creativity's opposite (“pseudocreation”) because it is possible to discern in the daydreaming a convenient substitute for the true creation (a hard and self-giving act itself), and that in daydreams a kind of false works of art can be seen. Furthermore, the significant fact is that both phenomena may be considered a result of death of a true artistic talent which the Dreamer, from all appearances, was endowed with.

Keywords: Dostoyevskiy, “White Nights”, daydream, daydreaming, creation, “pseudocreation”.

References

(Articles from Scientific Journals)

Николаева 2009 – Nikolayeva E. G. *Tip peterburgskogo mechtatelya v povesti F.M. Dostoyevskogo “Belyye nochi”* [Type of Peterburg’s Dreamer in the Novel by F.M. Dostoyevskiy “White Nights”]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 2008, V. 1, pp. 39–46. (In Russian).

Охоцимский 2016 – Okhotsimskiy A. *Filosofiya mechty* [Philosophy of a Dream]. URL: <https://lib.rmvoz.ru/bigzal/philosophy-of-dream> (accessed 02. 05. 2023). (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Щенников 1983 – Shchennikov G.K. *Evolyutsiya sentimental'nogo i romanticheskogo kharakterov v tvorchestve rannego Dostoyevskogo* [The Evolution of the Sentimental and the Romantic Character in the Works of Early Dostoyevskiy]. *Dostoyevskiy: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Research]. V. 5. Leningrad, 1983, pp. 90–100. (In Russian).

(Monographs)

Зелянская 2006 – Zelyanskaya N.L. *Mifoontologiya pisatel'stva. Fedor Dostoyevskiy: tvorcheskii put' do eshafota: monografiya* [Mythontology of Writing. Fyodor Dostoyevskiy: The Creative Path to the Scaffold: The Monograph]. Orenburg, 2006. (In Russian).

Мочульский 1947 – Mochul'skiy K. *Dostoyevskiy. Zhizn' i tvorchestvo* [Dostoyevskiy. The Life and The Creation]. Paris, 1947. (In Russian).

Назиров 1982 – Nazirov R.G. *Tvorcheskkiye printsipy F.M. Dostoyevskogo* [Creative Principles of F.M. Dostoyevskiy]. Saratov, 1982. URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-ch4.php> (accessed 28. 05. 2023). (In Russian).

Фаустов 1998 – Faustov A.A., Savinkov S.V. *Ocherki po kharakterologii russkoy literatury: seredina XIX veka* [Essays on the Characterology of Russian Literature: In the Mid-19th Century]. Voronezh, 1998. (In Russian).

Поступила в редакцию 25.05.2023